

ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ БУНИНА В ЖИЗНИ И ЛЮБВИ

Николай Шахмагонов

Любовные драмы

Николай Шахмагонов

**Темные аллеи Бунина
в жизни и любви**

«ВЕЧЕ»

2020

Шахмагонов Н. Ф.

Темные аллеи Бунина в жизни и любви / Н. Ф. Шахмагонов —
«ВЕЧЕ», 2020 — (Любовные драмы)

ISBN 978-5-4484-8324-0

Иван Алексеевич Бунин. Что вспоминается, когда слышишь это дорогое для каждого русского читателя имя? Быть может, блистательные «Темные аллеи», цикл из тридцати восьми рассказов, который называют «энциклопедией любви». Биографы, литературоведы, да и просто читатели давно задаются вопросом: как могло родиться у писателя такое множество волнующих любовных сюжетов и разнообразных женских характеров? В очередной книге серии раскрываются тайны любовных драм Ивана Бунина и сюжетов его произведений, рассказывается о работе над непревзойдёнными произведениями, составившими сокровищницу русской любовной лирики в поэзии и прозе.

ISBN 978-5-4484-8324-0

© Шахмагонов Н. Ф., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

«Недавно я видел её во сне...»	7
«Ранняя любовь» Ивана Бунина	10
Новая любовь пришла внезапно	18
Старший брат...	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николай Шамагонов

Темные аллеи Бунина в жизни и любви. Лира и судьба в жизни русских поэтов

© Шамагонов Н.Ф., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

«Недавно я видел её во сне...»

Вспомним начало рассказа «Чистый понедельник»:

«Темнел московский серый зимний день, холодно зажигался газ в фонарях, тепло освещались витрины магазинов – и разгоралась вечерняя, освобождающаяся от дневных дел московская жизнь: гуще и бодрей неслись извозчичьи санки, тяжелей гремели переполненные, ныряющие трамваи, – в сумраке уже видно было, как с шипением сыпались с проводов зелёные звезды – оживлённее спешили по снежным тротуарам мутно чернеющие прохожие... Каждый вечер мчал меня в этот час на вытягивающемся рысаке мой кучер – от Красных ворот к храму Христа Спасителя...»

Какая замечательная картина, как ярко представляешь себе старую, дореволюционную Москву с первыми трамваями и ещё не отжившими кучерами.

Вид на храм Христа Спасителя

Или вот начало другого замечательного рассказа, «Солнечный удар», хоть и не включённого Буниным в цикл «Тёмные аллеи», но невероятно близкого к этому циклу:

«После обеда вышли из ярко и горячо освещённой столовой на палубу и остановились у поручней. Она закрыла глаза, ладонью наружу приложила руку к щеке, засмеялась простым прелестным смехом, – всё было прелестно в этой маленькой женщине, – и сказала:

– Я, кажется, пьяна... Откуда вы взялись? Три часа тому назад я даже не подозревала о вашем существовании. Я даже не знаю, где вы сели. В Самаре? Но все равно... Это у меня голова кружится, или мы куда-то поворачиваем?

Впереди была темнота и огни. Из темноты бил в лицо сильный, мягкий ветер, а огни неслись куда-то в сторону: пароход с волжским щегольством круто описывал широкую дугу, подбегая к небольшой пристани.

Поручик взял её руку, поднёс к губам. Рука, маленькая и сильная, пахла загаром. И блаженно и страшно замерло сердце при мысли, как, вероятно, крепка и смугла она вся под этим

лёгким холстинковым платьем после целого месяца лежания под южным солнцем, на горячем морском песке (она сказала, что едет из Анапы)».

Можно приводить сотни примеров из множества рассказов, прочитав которые однажды возвращаешься к ним временами снова и снова. Я никогда не расстаюсь с томиком «Тёмных аллей», беру его с собой в санаторий, на дачу, всюду, куда еду надолго и где собираюсь работать над новыми произведениями. И не устаю цитировать, потому что мои герои не могут, как и я сам, обойтись без блистательных произведений, непревзойдённого мастера слова Ивана Алексеевича Бунина. Да и, наверное, каждый, кто дружен с изящной прозой русских писателей, написанной на великолепном русском языке Бунина, Тургенева, Телешева, Пришвина, читая произведения, написанные с любовью к любимым, находят в изящных бунинских строках что-то своё, личное, сокровенное.

Читают в романе «Жизнь Арсеньева»:

«Недавно я видел её во сне – единственный раз за всю свою долгую жизнь без неё. Ей было столько же лет, как тогда, в пору нашей общей жизни и общей молодости, но на лице у неё уже была прелесть увядшей красоты. Она была худа, на ней было что-то похожее на траур. Я видел её смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда...»

Читают и невольно переносят на своё, личное, пережитое... И вспоминая что-то своё, далёкое, давнее – самое первое увлечение, самую первую любовь, ощущают эту удивительную точность фразы: «Прелесть увядшей красоты!» И задумываются: «А какая она теперь, спустя много лет, та, что вызвала некогда первые сильные чувства?»

Попробуем ответить на вопрос, возможно ли написать такие строки, которые вышли из-под пера Ивана Алексеевича Бунина, возможно ли подобрать такие точные краски, такие проникновенные слова, не испытав тех высоких и необыкновенных чувств, которые в них выражены с такой силой? Нет, конечно, нельзя, конечно, это невозможно.

Предположим, писатель замыслит художественно пересказать чью-то историю любви, поведать о чьей-то судьбе и построит соответствующий своему замыслу сюжет. Но вряд ли даже в оживлённое художественным словом повествование он сумеет вложить такую неизъяснимую тоску, такую боль своего сердца, если силу любви и радости, силу телесной и душевной близости не испытал сам.

Писатели нередко обращаются к своим чувствам и переживаниям. Это, говоря языком профессионалов и не просто профессионалов, а тех профессионалов, которым доверено учить будущих писателей – хотя это почти невозможно, – называется «скалывать с себя».

Такую фразу любил повторять на творческих семинарах писатель Николай Павлович Кузьмин, но понять и оценить её по-настоящему получалось не у всех и не сразу. А чтобы правильно осмыслить сказанное, надо не только прочитать, к примеру, такой пронзительный роман, как «Жизнь Арсеньева», но и прикоснуться к биографии автора романа. И тогда станет понятно, почему Ивану Алексеевичу Бунину удалось написать такие фразы, и написать их с предельной искренностью, заставляя в эту искренность поверить даже самого взыскательного читателя.

Кому же адресованы приведённые строки романа «Жизнь Арсеньева»? Они посвящены героине по имени Лика, многие черты которой взяты от вполне определённого прототипа, у Варвары Пашенко. Именно к ней Бунин испытал первое серьёзное чувство.

Как-то уже принято показывать первую любовь Ивана Алексеевича Бунина именно к Варваре Пашенко, выведенной им в романе «Жизнь Арсеньева» в образе Лики. О том, что Варвара Пашенко является прототипом Лики, писала в своих воспоминаниях Вера Николаевна Муромцева-Бунина, да и сам Иван Алексеевич признавал это. Варвара Пашенко оставила настолько глубокий след в жизни Бунина, что отголоски этого следа мы можем найти не

только в романе «Жизнь Арсеньева», но и во многих других ярких произведениях Бунина, посвящённых высокому чувству любви. В самой же Лике Иван Алексеевич, по мнению Веры Николаевны, воплотил образы многих любимых им женщин. Ведь героиня романа Лика, как и реальная героиня любовного романа Ивана Бунина Варвара Пашенко не были первыми возлюбленными писателя и его героя Алёши Арсеньева. Вся жизнь Ивана Алексеевича проникнута светлым чувством любви к прекрасным представительницам прекрасного пола. Вся жизнь с детских лет и до седых волос была полна светлыми порывами, переживаниями и, увы, многими драмами, от самых безобидных, детских, быстро забываемых, до тяжёлых и удручающих, оставлявших глубокие рубцы на сердце и незаживающие раны в душе.

Я хочу начать рассказ о любовных драмах и трагедиях Ивана Алексеевича Бунина, коих, увы, было немало, с тех искренних, нежных, непорочных порывов, которые, даже принося печали, одновременно настраивали на непревзойдённое истинно бунинское творчество. Именно эти детские влюблённости, описываемые в дневниках и письмах, приводили в конце концов к созданию прекрасных художественных произведений.

«Ранняя любовь» Ивана Бунина

Итак, судя прежде всего по роману «Жизнь Арсеньева» и по книге воспоминаний Веры Николаевны Муромцевой-Буниной «Жизнь Бунина», первую настоящую, сильную любовь юный Иван Алексеевич испытал к Варваре Пашенко, равно как его герой Алёша Арсеньев испытал её к Лике. Но была ли у Бунина ещё более ранняя любовь?

Я неслучайно применил здесь пушкинский термин «ранняя любовь». Именно Александр Сергеевич Пушкин разделил свои самые первые увлечения на раннюю любовь и первую любовь. Да разве только он один рассказывал и в стихах, и в прозе о той любви, которая озаорила даже не в юности, а в отрочестве, а порой и в детстве.

Возьмём самые первые чувства Михаила Юрьевича Лермонтова. Широко известно его замечательное стихотворение «Когда я судьбой на заре моих дней, о, южные горы, отторгнут от вас». Напомню таинственные строки:

Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомян тот взор:
Люблю я Кавказ!..

Что же за пара «божественных глаз»? Просто поэтический образ «для красного словца», или за ними стоит реальный жизненный факт?

М.Ю. Лермонтов. Художник В.Г. Перов

Сам Михаил Юрьевич вспоминал:

«Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея десять лет от роду?

Мы были большим семейством на водах Кавказских: бабушка, тётушки, кузины. К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет девяти. Я её видел там. Я не помню, хороша собою была она или нет. Но её образ и теперь ещё хранится в голове моей; он мне любезен, сам не знаю почему. Один раз, я помню, вбежал в комнату, она была тут и играла с кузиною в куклы: моё сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни об чём ещё не имел понятия, тем не менее это была страсть, сильная, хотя ребяческая: это была истинная любовь: с тех пор я ещё не любил так... с тех пор... я никогда так не любил, как в тот раз. Горы Кавказские для меня священные...»

Вот и всё, что известно о той загадочной первой, а если применить разделение Пушкина, ранней любви. Лермонтов даже не запомнил, а быть может, и не знал имени той девочки – ведь она приходила не к нему, а к его кузинам, а потому с ним практически никак не пересекались её пути. Он мог только видеть её, наблюдать за ней. Это всё, что мог себе позволить. Но маль-

чишеское сердце вспыхнуло, и эта вспышка осталась запечатлённой в нём навсегда, на всю его короткую, но полную событий жизнь.

Чуть больше известно о самой первой – можно опять же сказать ранней любви нашего знаменитого поэта Фёдора Ивановича Тютчева. Эта любовь пришла к будущему поэту, когда он жил в Москве, в родительском гнезде, в Армянском переулке, доме номер 11 и учился в Московском университете.

Родился же он в дивном краю, давшем России немало величайших мастеров русской словесности – писателей и поэтов. В краю Тургенева, в краю, между прочим, Ивана Алексеевича Бунина, в краю Льва Толстого, Никитина, Лескова... Именно в благодатном краю Черноземья впервые взглянул на свет Божий и Фёдор Иванович Тютчев. Это случилось в родовой усадьбе Овстуг Орловской губернии, бунинской, кстати, губернии, 5 декабря 1803 года. Образование получил домашнее, которое благодаря подбору учителей стало поистине первоклассным. Особенно увлекли латынь и древнеримская поэзия. Возможно, именно они подтолкнули к первым опытам поэтического творчества. Тринадцатилетним мальчишкой он сделал перевод нескольких од Горация.

Ну а затем был переезд в Москву и поступление в 1817 году в Московский университет на словесное отделение, правда, сначала лишь вольнослушателем. В ноябре 1818 года он стал студентом, а в 1819 году был избран членом Общества любителей российской словесности. То есть в свои шестнадцать лет юноша уже заявил о себе как человек, не лишённый поэтического дара. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в него была без памяти влюблена дворовая девушка Катюша Кругликова.

Вот тогда юного Тютчева и озарила первая любовь.

Вспомним широко известное стихотворение:

Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

Оно написано на смерть Александра Сергеевича Пушкина, и многих биографов занимал вопрос, кого же имел в виду поэт, приводя словосочетание «как первую любовь». Россия никогда не забудет Пушкина, как не забыло и не забудет сердце Тютчева свою первую любовь.

Мать не приняла эту любовь. Здесь нет ничего удивительного, ведь в России действовали строгие сословные правила, с которыми, кстати, Тютчеву пришлось столкнуться и в годы молодёжи, когда он впервые сделал предложение своей любимой Амалии, и в зрелые годы, когда озарила его далеко уже не первая, но не менее яркая любовь к Елене Денисьевой. В зрелые годы человек любит иначе, но, если не утрачены пылкость души и жар сердца, даже холодный рассудок не способен сделать чувства менее яркими и сильными.

Что же касается первой любви, то в стихотворениях Тютчева мы не находим следа тех юношеских переживаний, причиной которых стала разлука с Катенькой Кругликовой. Но разве не говорят о них пусть всего лишь две строки из знакового стихотворения, посвящённого трагически печальному событию – гибели Пушкина.

Вспомним и первую любовь Ивана Тургенева, вылившуюся в повесть, так и названную: «Первая любовь». Её тоже можно причислить к ранней, ибо, хоть Иван Сергеевич и прибавил в повести возраст героя, сам он полюбил и испытал драму этой любви в 14 лет. Драматическая развязка этой первой любви отразилась и на жизненных коллизиях, и на творчестве подлинного певца русской действительности, русской природы и, конечно же, замечательных русских, названных литературоведами «тургеневскими» девушками.

А как прекрасен рассказ знаменитого русского философа Владимира Соловьёва, сына ещё более знаменитого русского историка Сергея Михайловича Соловьёва «На заре туманной юности», как прекрасно его стихотворение, посвящённое в отрочестве кузине Кате Рошановой!

Что роком суждено, того не отражу я
Бессильной детской волею своей.
(...)

Тебе мог дать златые дни и годы,
Тебе мог дать все лучшие цветы,
(...)

Чтоб смутных снов тяжелые виденья
Бежали все от солнечных лучей,
Чтоб на всемирный праздник возрожденья
Явилась ты всех чище и светлей.

Первые философские размышления о любви в рассказе «На заре туманной юности», в котором герой произведения едет на встречу с кузиной с полной надеждой, даже уверенностью на ответные чувства с её стороны. Цель объяснений не может не удивить читателя своей необычностью:

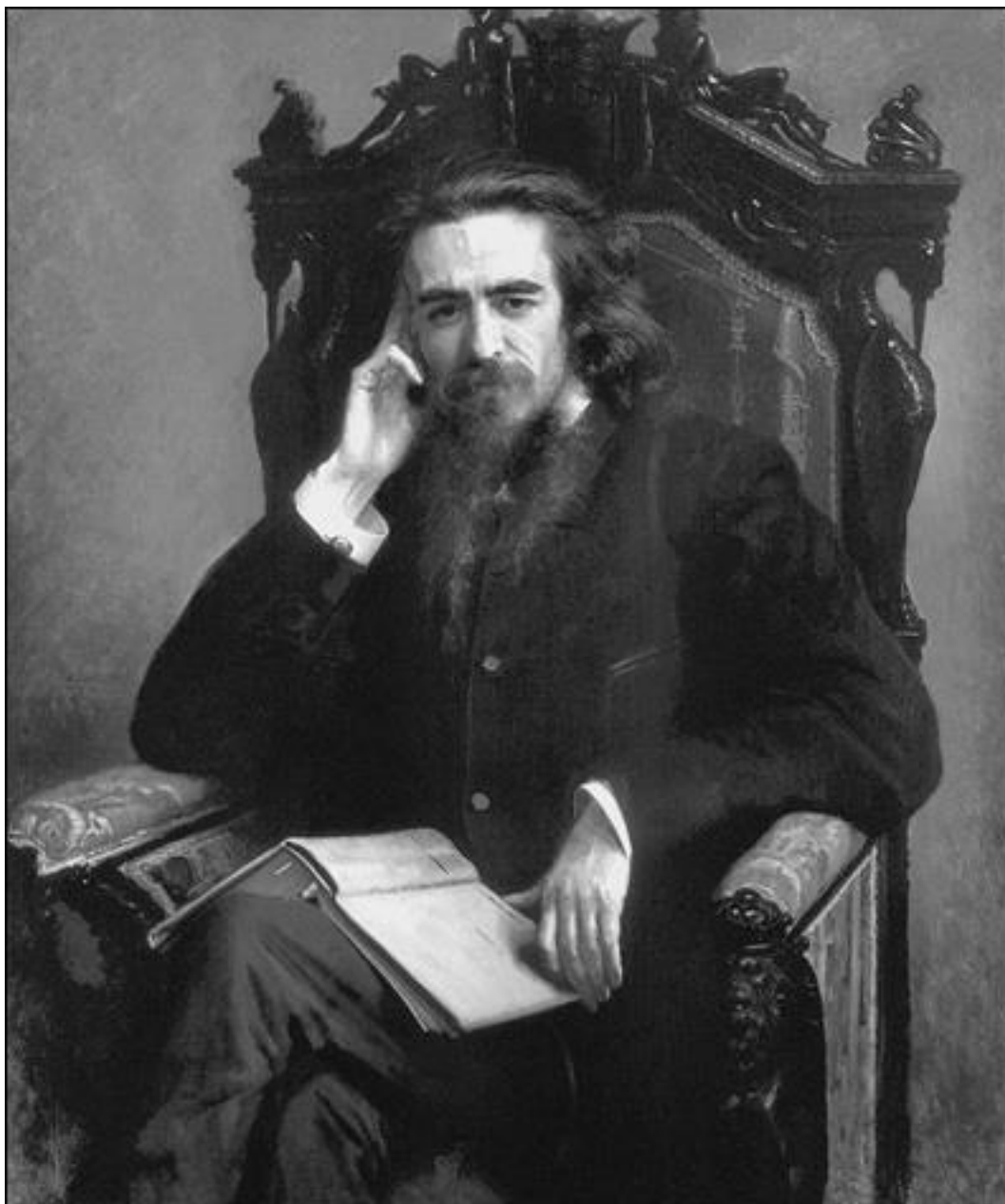
«Я хотел видаться с Ольгой для того, чтобы “поставить наши отношения на почву самоотрицания воли”. Поистине таково было моё намерение. Я должен был сказать ей приблизительно следующее:

– “Милая Ольга, я люблю тебя и рад, что ты любишь меня также. Но я знаю, и ты должна это узнать, что вся жизнь, а, следовательно, и цвет жизни – любовь, есть только призрак и обман...”»

Любовь только призрак и обман? Так ли считал Иван Бунин?

Обратимся к его первым любовным опытам...

В романе «Жизнь Арсеньева» героя, от имени которого ведётся повествование, озаряют первые светлые и восторженные чувства. Бунин постепенно вводит читателей в атмосферу этой любви...

В.С. Соловьев. Художник И.Н. Крамской

Когда же родилась эта любовь? Возникла она во время учёбы в гимназии, а гимназистом герой романа стал в 11 лет. Правда, любовь возникла не сразу, не в первом классе. Мы узнаём о ней из романа «Жизнь Арсеньева». Вот её первые всплески...

«Через час я был уже в Васильевском, сидел за кофе в тёплом доме нашего нового родственника Виганда, не зная, куда девать глаза от счастливого смущенья: кофе наливали Анхен, его молоденькая племянница из Ревеля...»

Кто она, Анхен? Просто вымышленная героиня? Давайте посмотрим, как описывает эту девушку и чувства к ней Арсеньева Иван Алексеевич...

«И прекрасна была моя первая влюблённость, радостно длившаяся всю зиму. Анхен была простенькая, молоденькая девушка, только и всего. Но в ней ли было дело? Была она, кроме того, неизменно весела, ласкова, очень добра, искренно и простодушно говорила мне: “Вы мне, Алёшенька, очень нравитесь, у вас горячие и чистые чувства!” Загорелись эти чувства, конечно, мгновенно. Я вспыхнул при первом же взгляде на неё, – как только она, во всей све-

жести своей немецкой чистоты, затейливого розового платяца и юной миловидности, вышла ко мне, насквозь промёрзшему за дорогу со станции, в вигандовскую столовую, розово озарённую утренним зимним солнцем, и стала наливать мне кофе. Едва я пожал её ещё холодную от воды руку, сердце во мне тотчас же дрогнуло и решило: вот оно! Я уехал в Батулин совершенно счастливый...»

Так была ли Анхен на самом деле? Вера Николаевна Муромцева-Бунина, размышляя над тем, сколь биографичен роман «Жизнь Арсеньева», указывает на то, что «отъезд Анхен в Ревель и появление первого стихотворения Алёши Арсеньева происходят в одно время, тогда как в жизни Бунина эти события разделены двумя годами...»

Значит, «в жизни Бунина эти события», разделённые двумя годами, были на самом деле! Он назвал в романе чувства Алёши Арсеньева праздничными. Праздник был и в его жизни, праздник, который он и отобразил в романе.

«...Уже стояло в темноте несколько саней и розвальней, расселись и, смеясь, крича, под звон колокольчиков, шибко понеслись через свежие сугробы со двора. И, конечно, я очутился в розвальнях с Анхен...

Как забыть этот ночной зимний звон колокольчиков, эту глухую ночь в глухом снежном поле, то необыкновенное, зимнее, серое, мягкое, зыбкое, во что сливаются в такую ночь снега с низким небом, меж тем как впереди всё чудятся какие-то огоньки, точно глаза каких-то неведомых, ночных, зимних порождений! Как забыть снежный ночной полевой воздух, холодок под енотовой шубой сквозь тонкие сапоги, впервые в жизни взятую в свои молодые, горячие руки вынутую из меховой перчатки тёплую девичью руку – и уже ответно, любовно мерцающие сквозь сумрак девичьи глаза!»

Вот попробуйте придумать такое, взяв из ниоткуда. Конечно, какую-то схему начертать можно, но только лишь схему, составленную из сухих предложений, но не ту поэзию чувств, которая вышла из-под пера писателя, самого пережившего такое...

«Я посмотрел в темноту за долину, на противоположную гору, – там, в доме Виганда, одиноко краснел, светился поздний огонёк. – Это она не спит, – подумал я. – «Возвышают реки голос свой, возвышают реки волны свои, – подумал я, – и огонёк лучисто задрожал у меня в глазах от новых слёз – слёз счастья, любви, надежд и какой-то иступлённой, ликующей нежности».

А полностью ли вымышлено в романе развитие отношений, и вымышлено ли вообще?

«Мне в те дни было тем мучительней, что предстояло пережить ещё одно испытание – разлуку с уезжавшей домой Анхен (хотя я и в этом находил какую-то пронзительно-горькую утеху).

Отец и Пётр Петрович решили, ради сестры, остаться в Васильевском ещё на некоторое время. Остался и я – и не только ради Анхен, страсть к которой усиливалась во мне с каждым днём: мне зачем-то хотелось длить те двойственные чувства, которые владели мной и заставляли не расставаться с «Фаустом», нечаянно попавшим тогда в мои руки среди писаревских книг и совершенно пленившим меня...»

Что здесь правда, а что вымысел? Да может ли быть такой вымысел? Писательская правда жизни требует, как это принято в писательском цехе, работая над произведением, «скалывать с себя».

Правда жизни даже в том, что счастливые деньки всегда пролетают незаметно и заканчиваются грустными переживаниями и воспоминаниями...

«И удивительно скоро мелькали для меня эти горестно-счастливые дни. Расставшись поздно вечером с Анхен, сладко замученный бесконечным прощанием с ней, я, придя домой, тотчас же проходил в кабинет и засыпал мёртвым сном с мыслью о завтрашнем свидании. Утром я нетерпеливо сидел с книгой в руках в солнечном саду, ожидая той минуты, когда можно будет опять бежать за реку, чтобы увести Анхен куда-нибудь на прогулку. В эти часы

всегда гуляли с нами девочки, младшие дочки Виганда, но они всегда бежали впереди, не мешали нам...»

О, эти встречи, первые встречи с предметом обожания, с девочкой, к которой ещё страшно прикоснуться! Кто не переживал их в раннем детстве и отрочестве!

«В полдень я возвращался домой к обеду, после обеда всё перечитывал “Фауста” – и ждал вечерней встречи... По вечерам в низах сада светила молодая луна, таинственно и осторожно пели соловьи. Анхен садилась ко мне на колени, обнимала меня, и я слышал стук её сердца, впервые в жизни чувствовал блаженную тяжесть женского тела...»

А расставание! Как выписано Буниным расставание с Анхен, уезжавшей в Ревель.

«Никогда ещё не плакал я так неистово, как в тот день. Но с какой нежностью, с какой мукой сладчайшей любви к миру, к жизни, к телесной и душевной человеческой красоте, которую, сама того не ведая, открыла мне Анхен, плакал я!

А вечером, когда, уже отупев от слёз и затихнув, я опять зачем-то брёл за реку, обогнал меня тарантас, отвозивший Анхен на станцию, и кучер, приостановившись, подал мне номер петербургского журнала, в который я, с месяц тому назад, впервые послал стихи. Я на ходу развернул его, и точно молнией ударили мне в глаза волшебные буквы моего имени...»

Вот и ещё одно подтверждение, что Арсеньев на многих страницах романа – это всё-таки Иван Алексеевич Бунин, хотя, по словам Веры Николаевны Муромцевой-Буниной, в описании данного эпизода несколько нарушена хронология, что, собственно, и не так важно для понимания истинных детских чувств Ивана Бунина. Переживания в разлуке весьма и весьма достоверны...

О первой своей публикации Бунин писал: «Утро, когда я шёл с этим номером с почты в Озёрки, рвал по лесам росистые ландыши и поминутно перечитывал своё произведение, никогда не забуду».

Опять-таки повторю, что выписать чувства с такой пронзительной силой, не испытывав их, просто невозможно. Судите сами...

«Даже днём, – на что бы я ни глядел, что бы ни чувствовал, ни читал, ни думал, – за всем была она, нежность к ней, воспоминания, связанные с нею, боль, что уже некому сказать, как я её люблю и сколько на свете прекрасного, наслаждаться которым мы могли бы вместе; про ночь же и говорить нечего – тут она владела мной всецело».

Вспомните, дорогие читатели, вспомните себя в детстве, вспомните, как в конце лета разъезжались и вы, и ваши сверстники или сверстницы от бабушек, у которых отдыхали в деревнях, или из быстро пустевших дачных посёлков, или из пионерских лагерей. И если вам доводилось уезжать уже после проводов тех, кто составлял ваши симпатии, кто пробуждал в течение беззаботных летних месяцев новые, впервые возникающие чувства, какие острые переживания сопровождали свалки брёвен у колхозного тока или лавочки в скверике дачного посёлка, или беседки на территории пионерлагерей. Стоило взглянуть на них, и ярко вспыхивали видения того недавнего, радостного, прекрасного, что казалось истинным счастьем.

И как точно передаёт Бунин то, что неминуемо происходило неотвратимо:

«Но время шло – и вот постепенно стала превращаться в легенду, утрачивать свой живой облик и Анхен: уже как-то не верилось, что когда-то она была со мной и что где-то есть она и теперь; уже думать о ней и чувствовать её я стал только поэтически, с тоской вообще о любви, о каком-то общем прекрасном женском образе, смешанном с образами поэм Пушкина, Лермонтова, Байрона...»

Такова была самая первая любовь Ивана Бунина, которую вполне можно назвать по-пушкински «ранней любовью». Она оставила свой след в романе, как у Пушкина этот след мы находим в первых замечательных стихотворениях, в которых были такие строки...

И душу взволновали вновь

Моя потерянная младость,
Тоски мучительная сладость
И сердца ранняя любовь.

А вот строки «Из записей Ивана Алексеевича за 1883–1884 учебный год»:

«В начале осени мой товарищ по гимназии, сын друга моего отца, Цветков, познакомил меня в городском саду с гимназисткой Юшковой. Я испытал что-то вроде влюблённости в неё и, кажется, из-за неё так запустил занятия, что остался на второй год в третьем классе. Цветков был малый уже опытный в любовных делах, бодрый нахал».

Правда, в романе это знакомство, которое хотел организовать один из старшеклассников, обрывается, не начавшись.

Новая любовь пришла внезапно

Бунин точно выразил в романе то, что происходит с отроческой влюблённостью, отметив, как со временем она начинает «превращаться в легенду, утрачивать свой живой облик», и постепенно влюблённый начинает «чувствовать её... только поэтически, с тоской вообще о любви, о каком-то общем прекрасном женском образе...».

В романе «Жизнь Арсеньева» это показано ярко, жизненно, сильно.

Герой романа Алёша Арсеньев приезжает в город Орёл, чтобы взять в библиотеке томик стихов Надсона, о смерти которого только что стало ему известно. Однако книги нет – все книги на руках. «Барышня с кудряшками на лбу... – сказала небрежно. – Раньше, как через месяц не дождётся...»

И тут он впервые ощутил свою магию как творческого человека:

«– Но ведь вы тоже поэт? – тотчас же прибавила она, усмехаясь. – Я вас знаю, я вас ещё гимназистом видала... Я вам дам свой собственный экземпляр...»

И тогда Арсеньев так «радостно выскочил с драгоценной книгой на улицу, что чуть не сбил с ног какую-то худенькую девочку лет пятнадцати в сереньком холстинковом платье, только что вышедшую из тарантаса, который стоял возле тротуара. Тарантас был запряжён тройкой странных лошадей, – все они были пегие, все крепкие и небольшие, масть в масть, лад в лад».

Что это за увлечение? Вера Николаевна Муромцева-Бунина рассказала в книге «Жизнь Бунина» о влюблённостях Ивана Алексеевича в отрочестве. Вот, к примеру, в его жизни появилась Дуня, младшая сестрёнка невесты его старшего брата Евгения Алексеевича...

Вера Николаевна писала:

«Когда Евгений Алексеевич ездил к невесте, всегда брал с собой младшего брата (Ивана. – *Н.Ш.*), который не замедлил влюбиться в сестру невесты, Дуню, и по вечерам они ходили в соседнее имение Бахтеяровых, Колонтаевку (Шаховское в «Митиной любви»), оба вели своих дам под руку. Имение было запущено, отчего там было особенно поэтично.

– Как-то, – рассказывал мне Иван Алексеевич, – мы возвращались ночью из Озерок; Евгений поехал провожать Настю и взял меня, и я ехал с Дуней на дрожках. Как сейчас вижу: рассвет, гуси через дорогу, это уже было в Васильевском, и, не помня себя, осмелился – поцеловал едва-едва Дуню. Неизъяснимое чувство, уже никогда больше неповторимое: ужас блаженства».

И это увлечение проходило на фоне свадьбы старшего брата, что ещё более усиливало отроческие чувства и создавало особую атмосферу.

В книге «Жизнь Бунина» Вера Николаевна писала:

«Свадьба была назначена на Ильин день в Знаменском, приходе Озерок. Пир у Буниных до зари. Гостей было много, и родные, и друзья, и соседи.

...Ваня веселился больше всех. Он в новом гимназическом мундире надевал туфельку невесте, положил туда золотой, ехал с ней в карете с образом к венцу, а потому чувствовал себя одним из действующих лиц».

Быстро промчалось лето, и в середине августа Евгений Алексеевич отвёз своего младшего брата Ваню в Елец.

И снова разлука с любимой: «Дуня гостила у Буниных, и бедный Ваня, чуть не плача, полусонный простился с ней».

Но впереди учёба и городская кутерьма, и снова постепенно стирался образ той, которая заставила трепетать мальчишеское сердце.

На каникулы он отправился домой и по дороге должен был остановиться в Измалкове у Отто Карловича, к которому отец обещал прислать лошадей. Узнав о том, что у дочерей Отто Карловича появилась молоденькая и миленькая гувернантка, Бунин уже заранее стал «мечтать о ней», в чём через многие годы признался Вере Николаевне.

Где же, в ком же спрятан прототип Лизы Бибиковой из романа «Жизнь Арсеньева»?

Герой романа Алёша Арсеньев рассуждает – а повествование ведётся от первого лица – о своём отроческом увлечении так:

«Мои чувства к Лизе Бибиковой были в зависимости не только от моего ребячества, но и от моей любви к нашему быту, с которым так тесно связана была когда-то вся русская поэзия. Я влюблён был в Лизу на поэтический старинный лад и как в существо, вполне принадлежавшее к нашей среде.

Дух этой среды, романтизированный моим воображением, казался мне тем прекраснее, что навеки исчезал на моих глазах. Я видел, как беднел наш быт, но тем дороже был он мне; я даже как-то странно радовался этой бедности... может быть, потому, что и в этом находил близость с Пушкиным, дом которого, по описанию Языкова, являл картину тоже далеко не богатую».

Действительно, сохранилось немало воспоминаний современников о скромности Пушкина, о том, что и в Москве он не роскошествовал, а уж в Михайловском, в его доме, обстановка и подавно была более чем скромной.

Что ж, немногих русских писателей можно отнести к людям зажиточным, богатым. Провидение словно специально устраивало так, что человек, преданный литературному творчеству, более ничего в жизни не хочет замечать.

Да ведь и у Ивана Алексеевича очень редко можно найти в воспоминаниях переживания по поводу скромного достатка. Разумеется, он тоже стремился к тому, чтобы заработать на жизнь, но это было скорее продиктовано желанием обеспечить свою будущую семью, ведь многое зависело от этого самого пресловутого достатка.

Недаром уже в 1886 году шестнадцатилетний Бунин писал:

Поэт печальный и суровый,
Бедняк, задавленный нуждой,
Напрасно нищеты оковы
Порвать стремишься ты душой!
Напрасно хочешь ты презреньем
Свои несчастья победить
И, склонный к светлым увлечениям,
Ты хочешь верить и любить!
Нужда ещё не раз отравит
Минуты светлых дум и грёз,
И позабыть мечты заставит,
И доведёт до горьких слёз.
Когда ж, измученный скорбями,
Забыв бесплодный, тяжкий труд,
Умрёшь ты с голоду, – цветами
Могильный крест твой перевяжут!

Как говорится, «не в деньгах счастье», и не материальные блага возносят человека на пьедестал славы. Нам хорошо известны имена тех, кто создавал шедевры русской художественной прозы и великолепные, волшебные образцы поэзии. Они не были богаты и не кичились богатством, единственным «достоинством» толстосумов, поскольку имели достоинства, неиз-

меримо большие, они не имели дворцов, банковских счетов за границей, но обладали неизмеримо большим – созданными ими бессмертными творениями литературы, музыки, живописи. А те, кто жил ради умножения капиталов любым путём и любой ценой, остались безвестными, превратились просто в ничто... И кто сейчас вспомнит тех, кто добился в жизни больших кошельков при скудном наполнении головы.

И.А. Бунин в юности

Впрочем, у героя романа Алёши Арсеньева в период увлечения Лизой Бибиковой тягостных мыслей о материальном ещё и в помине не было. Его окрыляли яркие впечатления от общения с прекрасным, его волновали первые движения сердца! Горячая юношеская любовь, помноженная на первые искромётные опыты творчества, побеждала размышления о материальных благах.

В романе читаем:

«...Когда Лиза жила в Батурине, бедный быт наш был украшен жаркими июньскими днями, густой зеленью тенистых садов, запахом отцветающего жасмина и цветущих роз, купаньем в пруду, который со стороны нашего берега, тенистого от сада и тонувшего в густой прохладной траве, был живописно осенён высоким ивняком, его молодой блестящей листвой, гибкими глянцевыми ветвями... Так навсегда и соединилась для меня Лиза с этими первыми днями купанья, с июньскими картинками и запахами, – жасмина, роз, земляники за обедом, этих прибрежных ив, длинные листочки которых очень пахучи и горьки на вкус, тёплой воды и тины нагретого солнцем пруда...»

Как прекрасны эти первые, непорочные чувства, ещё не затуманенные жизненными суетными перипетиями! Лето, деревня, праздник природы и праздник души, шествовавшие рядом, всегда окрыляли и вдохновляли Бунина, и он подарил эти ощущения своему герою Алёше Арсеньеву.

Бибиковы «почти каждый день» приходили купаться в пруду, «а я то и дело как бы нечаянно встречался с ними на берегу и особенно учтиво раскланивался, причём госпожа Бибикова, ходившая всегда как-то милостиво-важно, с поднятой головой, в широком балахоне и с мохнатой простыней на плече, отвечала мне уже довольно приветливо и даже с усмешкой, вспоминая, верно, как я тогда, в городе, выскочил из библиотеки».

Но главное то, что и отношения с той девочкой, которую едва не сбил возле библиотеки, продвигались:

«Сперва застенчиво, а потом всё дружелюбней и живей отвечала и Лиза, уже несколько загоревшая и с некоторым блеском в своих широких глазах. Теперь она ходила в белой с синим воротом матроске и довольно короткой синей юбочке, ничем не прикрывая от солнца свою чёрную головку с заплетённой и большим белым бантом завязанной, слегка курчавившейся чёрной косой. Она не купалась... но она иногда снимала туфельки, чтобы походить по траве, насладиться её нежной свежестью, и я несколько раз видел её босиком. Белизна её ножек в зелёной траве была невыразимо прелестна...»

Впечатления от встреч, восторг от любования прелестным существом откладывались в сознании, в памяти, чтобы воскреснуть у героя романа вновь порой ночной, когда хорошо думается, когда всё располагает к острым переживаниям свершаемого. Не так ли поступал сам Иван Алексеевич, не с себя ли описывал то, что делал его герой?

«И опять наступили лунные ночи, и я выдумал уже совсем не спать по ночам, — ложиться только с восходом солнца, а ночь сидеть при свечах в своей комнате, читать и писать стихи, потом бродить в саду, глядеть на усадьбу Уваровых с плотины пруда...»

Увлечение Лизой Бибиковой выдуманно. Об этом говорит Вера Николаевна Муромцева-Бунина. И всё же, по её словам, выдуманно лишь отчасти. Основа была...

«Летом у поэта (Ивана Бунина. — *Н.Ш.*) было два увлечения: сначала его сердце “пронзила” тоненькая, худенькая барышня, с которой он столкнулся при выходе из библиотеки. Оказалось, что она гостит у своих родственников Рышковых; но с ней он не познакомился, так как в то лето его отец был в ссоре с Рышковым, и семьи не бывали друг у друга. И они только при встречах с барышней раскланивались, когда она с матерью и Любовью Александровной Рышковой шли к пруду. У неё был чахоточный вид, ей запрещено было купаться, и она только сидела разутая в тени и грела худенькие ноги на солнце. Но в свои бессонные ночи поэт подолгу простаивал перед усадьбой Рышковых и смотрел в окно, где она спала, — он знал, что ей отвели комнату Егорчика, который в это лето не жил дома.

Юный поэт писал ей стихи, о чем она и понятия не имела.

Всё кончилось после её внезапного отъезда, но быстро явилось утешение еще более приятное...»

Это в жизни. А в романе от имени Алёши Арсеньева рассказывается:

«Потом к другому нашему соседу, к тому, чья усадьба была через улицу от нашей и чей сын был в ссылке, к старику Алфёрову, приехали его дальние родственницы, петербургские барышни, и одна из них, младшая, Ася, была хороша собой, ловка и высока, весела и энергична, свободна в обращении. Она любила играть в крокет, шелкать что попало фотографическим аппаратом, ездить верхом, и незаметно я стал довольно частым гостем в этой усадьбе, вступил с Асей в какое-то подобие дружбы, в которой она и помыкала мной, как мальчишкой, и проявляла в то же время явное удовольствие от общества этого мальчишки. Она то и дело снимала меня, мы с ней по целым часам стучали крокетными молотками, причём всегда выходило, что я будто бы что-то не так делаю, а она поминутно останавливалась и, необыкновенно мило не

выговаривая буквы “л”, кричала на меня в полном отчаянии: “Ах, какой гвупый, Боже, какой гвупый!” – больше же всего любили скакать под вечер по большой дороге, и уже не совсем спокойно слушал я её радостные покрикивания на скаку, видел её румянец и растрепавшиеся волосы, чувствовал наше с ней одиночество в поле, меж тем как её лироподобное тело великолепно лежало на седле и тугая икра левой ноги, упёртой в стремя, всё время мелькала под развевающимся подолом амазонки...»

И, конечно, Арсеньев поэт! И поэт Бунин пишет от имени поэта!

«Но то было днём, вечером. А ночи свои я посвящал поэзии. Вот уже совсем темно в поле, густеют тёплые сумерки, и мы с Асей шагом возвращаемся домой, проезжаем по деревне, пахнувшей всеми вечерними летними запахами. Проводив Асю до дому, я въезжаю во двор нашей усадьбы, бросаю повод потной Кабардинки работнику и бегу в дом к ужину, где меня встречают весёлые насмешки братьев и невестки. После ужина я выхожу с ними на прогулку, на выгон за пруд или опять всё на ту же большую дорогу, глядя на сумрачно-красную луну, поднимающуюся за чёрными полями, откуда тянет ровным мягким теплом. А после прогулки я остаюсь наконец один. Всё затихло – дом, усадьба, деревня, лунные поля. Я сижу у себя возле открытого окна, читаю, пишу. Чуть посвежевший ночной ветер приходит от времени до времени из сада, там и сям уже озарённого, колеблет огни оплывающих свечей. ...Неодолимая дремота клонит голову, смыкает веки, но я всячески одолеваю, осиливаю её...»

Роман потрясает не только пронзительными описаниями чувств героя, он привлекает описаниями природы, великолепной русской природы. А какие наблюдения, какие удивительные находки в описаниях той же лунной ночи!

«Я вставал, выходил в сад. Теперь, в июне, луна ходила по-летнему, ниже. Она стояла за углом дома, широкая тень далеко лежала от него по поляне, и из этой тени особенно хорошо было смотреть на какую-нибудь семицветную звезду, тихо мерцавшую на востоке, далеко за садом, за деревней, за летними полями, откуда иногда чуть слышно и потому особенно очаровательно доносился далёкий бой перепела. Цвела и сладко пахла столетняя липа возле дома, тепла и золотиста была луна».

Не этой ли чудной ночи посвящал Бунин свои первые стихи...

Месяц задумчивый, полночь глубокая...
Хутор в степи одинокий...
Дремлет в молчанье равнина широкая,
Тёпел ночной ветерок.
Жёлтые ржи, далеко озарённые,
Морем безбрежным стоят...
Ветер повеет – они, полусонные,
Колосом спелым шуршат.
Ветер повеет – и в тучку скрывается
Полного месяца круг;
Медленно в мягкую тень погружается
Ближнее поле и луг.
Зыблется пепельный сумрак над нивами,
А над далёкой межой
Свет из-за тучек бежит переливами —
Яркою, жёлтой волной.
И сновиденьем, волшебною сказкою
Кажется ночь, – и смущён
Ночи июльской тревожною ласкою
Сладкий предутренний сон...

В романе всё это видит, всем этим восхищается Алёша Арсеньев:

«Глядя на дом с плотины, я точно представлял себе, где кто спит. Я знал, что Лиза спит в Глебошкиной комнате, в той, окна которой выходили тоже в сад, тёмный, густой, подступающий прямо к ним... Как же передать те чувства, с которыми смотрел я, мысленно видя там, в этой комнате, Лизу, спящую под лепет листьев, тихим дождём струящийся за открытыми окнами, в которые то и дело входит и веет этот тёплый ветер с полей, лелея её полудетский сон, чище, прекраснее которого не было, казалось, на всей земле!»

Всё это пока чистые, ничем не омрачённые мысли и мечты, чистые и непорочные желания. Хотя уже проявляется интерес к прекрасному полу, более мятежный, более дерзкий.

Но детство долго не отпускало Ивана Алексеевича Бунина, и он писал о нём, писал о детских и отроческих увлечениях не только в романе «Жизнь Арсеньева», но и во многих других произведениях, и поэтических, и прозаических, которые тоже читаются как стихи, как стихотворения в прозе.

В усадьбе осенью. Художник С.А. Виноградов

Возьмём рассказ, который кое-где сохраняет первое своё название «Начальная любовь», но затем всё-таки обретает более принятое литературе – «Первая любовь». Возможно, Бунин поначалу не хотел повторять название великолепной повести Тургенева «Первая любовь», но потом вернулся именно к аналогичному заголовку рассказа. Он сделал подзаголовок «Из воспоминаний детства» и поставил эпиграф:

Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно...

В начале рассказа снова грядёт отъезд в город...

«Был последний день пасхальных каникул, и дня через два я должен был ехать в Орел, в гимназию».

Снова повествование от первого лица, и это первое лицо – Митя, Дмитрий Алексеевич, которого во время прогулки изобличают друзья, поддразнивая, как обычно в отрочестве, ведь в том возрасте влюблённости по умолчанию вызывали зависть, а по оглашении – осмеивались, порой безобидно, а порой даже и зло.

Вот и в этом рассказе. Разговаривают Лёва, Петя и Митя, и неожиданно Лёва переводит разговор на тему любви...

«– Я, брат, всё знаю, – проговорил он (...) – Про Сашу-то!

Я почувствовал, что моментально покраснел до самой шеи. Лева попал в самое больное место: я был в это время “страшно”, как мне тогда казалось, влюблён в Сашу, его двоюродную сестру. Она обыкновенно проводила каникулы у отца Левы, так что, мечтая приехать на лето, я имел в виду единственно её.

– Какую Сашу? – не зная, что сказать, спросил я и сам почувствовал, что сказал страшную глупость.

(...)

– Ты лжёшь, что ты не знаешь, про какую Сашу я говорю, – отчеканил Лева, – а сам влюблён в неё...»

Ох как в отрочестве не хотелось признаваться в своём увлечении! А тут ещё и сообщение о том, что Саша уехала, а ведь Митя «думал перед отъездом улучшить минутку, чтобы объяснить с нею».

Объяснение с девушкой! Как же это сложно в ребячестве. Вот и в рассказе:

«...Уже раз я с нею объяснился, но тогда это как-то не вышло. Мы встретились у них в сениях; я покраснел, почувствовал, как будто кто-то провёл мне по волосам ледяною щёткою, ероша волосы; я даже не сказал “здравствуйте”. Несмотря на то, что Саша была старше меня года на два, я постоянно ею конфузился. Она сама протянула мне руку.

– Что это вас давно не видно? – спросила она.

– Нет, я был недавно, – сказал я, – вы меня не видали.

– Вы, должно быть, были в саду?

– Нет, я и в доме был.

Саша засмеялась вдруг так звонко и мило, что я сразу ободрился, хотя и не понял, чему она смеётся.

– Вы, должно быть, в шапке-невидимке были?

– Нет, в своём картузе, – сострил я и окончательно смешался.

– Ну как же я вас не видела? – добивалась Саша.

– Да вы всегда не хотите меня видеть.

– Как это не хочу?

Но я уже не слушал её и, чувствуя, что мне становится всё жарче и жарче, продолжал:

– Я не знаю, за что вы меня так не любите? Мне кажется...

– Вам бог знает, что кажется, – перебила вдруг Саша, краснея, тихим и ласковым голосом. – Я, напротив... я даже во сне вас почти каждый день вижу...

Но в эту минуту загремели чьи-то дрожки, и Саша, быстро дотронувшись губками до моей щеки и моментально вспыхнув, исчезла за дверью.

Не успел я ещё прийти в себя (у меня даже дух захватило от радости), как уж кто-то застучал по лестнице. Я нахлобучил картуз и, засвистав, что обыкновенно делал, чтобы скрыть неловкость, быстро сошёл с лестницы, встретившись с приехавшим приказчиком, и через сад убежал домой.

Припоминая всё это с особенной грустью и нежностью, я сидел один-одинёшенек в гостиной».

И в такие минуты лились стихи! Чьи стихи? Конечно, самого Ивана Алексеевич Бунина...

На них настраивала природа, удивительная природа, созвучная переживаниям Алёши Арсеньева...

«Прислонившись к притолоке, я глядел вдоль по берёзовой аллее, где из свежей рыхлой земли и из-под прошлогодних листьев торчала ярко-зелёная травка; я чувствовал какой-то неясный садовый аромат, слушал музыкальное жужжание пчёл, гулкие удары валька на пруде, – и всё нежнее и поэтичнее становилась моя тоска. Мне казалось, что я ещё никогда не был таким молодым и прекрасным и вместе с тем таким одиноким и печальным».

Но прежде чем выплеснуть на бумагу свои стихи, Бунин цитировал те, что особенно соответствовали состоянию души его героя, а следовательно, его души...

Березовая аллея. Художник М.К. Клодт

«Я глядел в далёкие поля, которые открывались с правой стороны сада, и невольно повторял с поэтом:

Что звенит там вдали, и звенит и поёт?
И зачем эта даль неотступно зовёт,
И зачем та река широко разлилась,
Оттого ль разлилась, что весна началась?»

Это строки из стихотворения Якова Петровича Полонского (1819–1898) «В глуши». Вчитайтесь вслед за Буниным в эти строки...

Для кого расцвела? Для чего разлилась?
Для кого это небо, – лазурь её глаз,
Эта роскошь, – волнистые кудри до плеч,

Эта музыка, – уст её тихая речь?

Ясно может она своим чутким умом
Слышать голос души в разговоре простом;
И для мира любви, и для мира искусств
Много в сердце у ней незатронутых чувств.

Прикоснется ли клавиш, – заплачет рояль;
На ланитах огонь, на ресницах печаль...
Подойдёт ли к окну – безотчётно грустна,
В безответную даль долго смотрит она...

Что звенит там вдали, – и звенит, и зовёт?
И зачем там, в степи, пыль столбами встаёт?
И зачем та река широко разлилась?
Оттого ль разлилась, что весна началась!

И откуда, откуда тот ветер летит,
Что, стряхая росу, по цветам шелестит,
Дышит запахом лип и, концами ветвей
Помавая, влечёт в сумрак влажных аллей?

Не природа ли тайно с душой говорит?
Сердце ль просит любви и без раны болит?
И на грудь тихо падают слёзы из глаз...
Для кого расцвела? Для чего развилась?

И вслед за Буниным герой его романа «Жизнь Арсеньева» восклицал: «Что звенит там вдали, и звенит и поёт?!»

Герои Бунина часто обращаются к природе, спешат к ней, словно за помощью в решении своих пока ещё не хитрых, но кажущихся в юности значительными проблем.

«Я ушёл в поле, дошёл до леса и лёг на опушке. Лежа на своей шинели, я долго мечтал, до тех пор, пока над стемневшими полями не засветилась серебряная звёздочка – Венера. Возвращаясь, я решил непременно съездить на другой день в город. Лева и Петя уже теперь там (они уехали перед вечером), и можно выдумать, что я к ним за книгами – за латинской грамматикой, например. А между тем можно увидеть Сашу, хоть ещё раз поговорить, просить писать и т. д. Подумав это, я почти повеселел и заснул спокойно. Но судьбе было угодно, как говорится, распорядиться иначе».

Небольшой рассказ о первой любви! Он написан искренне, с пронзительной откровенностью, как и все произведения Бунина. Он ещё отражает первые движения души, первые волнения сердца, но впереди уже иные отношения с прекрасным полом. Они врываются в жизнь героев Бунина и показаны так, словно вторгаются в его собственную жизнь. Так ведь это так и есть!..

Чувства Мити, вызванные отъездом Саши в рассказе «Первая любовь», перекликаются с теми чувствами, которые охватили Алёшу в романе «Жизнь Арсеньева».

«В одно прекрасное утро я вдруг узнал, что Бибиковых уже нет в Батурине, – вчера уехали. ...

В мире после того образовалась такая пустота и скука, что я стал ездить в поле, где уже начали косить нашу рожь, стал по целым часам сидеть на рядах, на жнивье и бесцельно смотреть на косцов. Сижу, а кругом сушь, недвижный зной, мерный шум кос; густой и высокой стеной стоит на серой от зноя синеве безоблачного неба море пересохшей жёлто-песчаной ржи с покорно склонёнными, полными колосьями, а на него, друг за другом, наступают, в раскорячку идут и медленно ровно уходят вперёд мужики распояской, широко и солнечно блещут шуршащими косами, кладут влево от себя ряд за рядом, оставляют за собой колкую щётку жёлтого жнивья, широкие пустые полосы – мало-помалу всё больше оголяют поле, делают его совсем новым, раскрывают всё новые виды и дали...»

Эту работу косцов Иван Алексеевич Бунин описал в рассказе «Косцы», созданном уже в эмиграции. Косцы в рассказе «крестились и бодро сбегались к месту с белыми, блестящими, наведенными, как бритва, косами на плечах, на бегу вступали в ряд, косы пустили все враз, широко, играючи, и пошли, пошли вольной, ровной чередой».

Между тем природа уже брала своё, уже наступала неудержимо юность, сменяя отрочество, со всеми вытекающими из этого последствиями. И уже внимание Алёши Арсеньева привлекали не просто те представительницы прекрасного пола, которые заставляли учащённо биться сердце подростка, но и просто женщины или, как сказано в романе, – «бабы и девки».

«Днём на... плотине часто стояли бабы и девки и, наклонясь к большому плоскому голышу, лежавшему в воде на бережку, подоткнувшись выше колен, крупных, красных, а всё-таки нежных, женских...»

Вот именно то, что показывалось выше колен, волновало и тревожило, возбуждая ещё незнакомые чувства и восхищения. Как сумел Иван Бунин описать эти чувства, эти желания всего-то одним, двумя штришками! Разве можно описать такое, не испытав, не приметив в жизни, разве можно показать, как эти самые «бабы и девки» «с шутиливой развязностью, на что-то намекая, говорили, когда... случалось проходить мимо: “Барчук, ай потерял что?” – и опять наклонялись и ещё бодрей колотили, шлёпали и чему-то смеялись, переговариваясь, а я поскорей уходил прочь: мне уже трудно было смотреть на них, склонённых, видеть их голые колени».

Наверное, каждый может вспомнить те юношеские впечатления и те смущения, в которые повергали девицы, старшие по возрасту, пусть и немного, но старшие, и порой кичливые этим своим старшинством, позволившим им познать что-то такое, что неведомо ещё отроку, терявшемуся от «шутливой развязности» оброненных фраз, оброненных не случайно, а намеренно именно для того, чтобы заставить ступешаться, смутиться, чего и добивались бойкие представительницы такого влекущего, но ещё незнакомого прекрасного пола, кажущегося таинственным и волшебным.

Герой романа смелел, он уже стремился к чему-то неведомому уже более осознанно. Бунин прекрасно выразил это стремление в описании следующего увлечения Алёши Арсеньева – можно сказать наверняка, своего увлечения.

Но в эти безмятежные детские и отроческие годы Бунина подстерегал тяжёлый удар, связанный с арестом любимого брата Юлия Алексеевича, его первого наставника, его учителя...

Старший брат...

В 1884 году Юлий Алексеевич был арестован за революционную деятельность, которой занимался начиная с 1876 года сначала в воронежском кружке самообразования, затем уже в Москве, будучи студентом математического факультета Московского университета, где был одним из организаторов кружка воронежцев, примкнувшего в 1879 году к чернопередельцам. Высланный из Москвы в Харьков, он окончил Харьковский университет в 1882 году, не прекращая революционной деятельности и даже возглавив там народнический кружок как не только лидер, но и теоретик.

Вышедшая в 1883 году в харьковской народнической типографии брошюра «Несколько слов о прошлом русского социализма и о задачах интеллигенции», хоть и была издана под псевдонимом Алексеев, тем не менее обратила на себя внимание полиции, ну а установить автора оказалось делом не сложным. Был старший брат Ивана Алексеевича даже одним из авторов «Проекта организации народной партии» и «Программы действий кружка рабочих-народников».

Работу вёл смело, активно, в конце 1883 – начале 1884 года выезжал в Петербург для координации действий с петербургскими народниками и народовольческой «рабочей группой».

И тут провал. О том, что 11 января 1884 года в Харькове произведены аресты его соратников, Юлий Алексеевич узнал по пути из Петербурга и успел скрыться. Тут же был объявлен в розыск.

О том, какое отношение к революционерам было в России того времени, то есть в России Александра III, Иван Алексеевич Бунин рассказал в романе, коснувшись ареста сына соседского помещика Алфёрова. Этот арест ошеломил отца Алёши Арсеньева точно так же, как и ошеломил реальный арест реального соседского сына.

В романе читаем:

«Теперь ведь и представить себе невозможно, как относился когда-то рядовой русский человек ко всякому, кто осмеливался “итти против царя”, образ которого, несмотря на непрестанную охоту за Александром Вторым и даже убийство его, всё ещё оставался образом “земного Бога”, вызывал в умах и сердцах мистическое благоговение. Мистически произносилось и слово “социалист” – в нём заключался великий позор и ужас, ибо в него вкладывали понятие всяческого злодейства. Когда пронеслась весть, что “социалисты” появились даже и в наших местах, – братья Рогачевы, барышни Субботины, – это так поразило наш дом, как если бы в уезде появилась чума или библейская проказа. Потом произошло нечто ещё более ужасное: оказалось, что и сын Алфёрова, нашего ближайшего соседа, вдруг пропал из Петербурга, где он был в военно-медицинской академии, потом объявился под Ельцом на водяных мельницах, простым грузчиком, в лаптях, в посконной рубахе, весь заросший бородой, был узан, уличён в “пропаганде”, – это слово звучало тоже очень страшно, – и заключён в Петропавловскую крепость. Отец наш был человек вовсе не темный, не косный и уж далеко не робкий во всех отношениях; много раз слышал я в детстве, с какой дерзостью называл он иногда Николая Первого Николаем Палкиным, бурбоном; однако слышал я и то, с какой торжественностью и столь же искренно произносил он на другой день совсем другие слова: “В Бозе почивающий Государь Император Николай Павлович...” У отца все зависело от его барского настроения, а что все-таки преобладало? И потому даже и он только руками растерянно разводил, когда “схватили” этого юного и бородатого грузчика.

– Несчастный Федор Михайлыч! – с ужасом говорил он про его отца.

– Вероятно, этого голубчика казнят. Даже непременно казнят, – говорил он со своей постоянной страстью к сильным положениям. – Да и поделом, поделом! Очень жалко старика,

но церемониться с ними нечего. Этак мы и до Французской революции достукаемся! И как я был прав, когда твердил, что, попомните моё слово, будет этот крутолобый, угрюмый болван острожником, позором всей своей семьи!»

Вот таково отношение! Казнят, и поделом! Нелегко было социалистам раскачать Россию на революционное самоуничтожение.

Участие в революционных выступлениях пресекалось строго. Юлию Алексеевичу пришлось скрываться от полиции. В романе брат Алёши Арсеньева тоже «скрывался, меняя местожительство, под чужим именем».

В уста Алёши Арсеньева Бунин вкладывает свои мысли о том, что случилось:

«И вот такой же позор, ужас вдруг свалился и на нашу семью. Как, почему? Ведь уж брата-то никак нельзя было назвать крутолобым, угрюмым болваном. Его “преступная деятельность” казалась ещё нелепее, ещё невероятнее, чем таковая же барышень Субботиных, которые, хотя и принадлежали к богатому и хорошему дворянскому роду, всё-таки просто могли быть сбиты с толку, по своей девичьей глупости...»

Юлий Алексеевич скрывался довольно долго, но, когда решил, что опасность миновала и приехал в родные края, тут же был арестован. Это случилось 27 сентября 1884 года в слободе Озерках Елецкого уезда Орловской губернии.

Каково же отношение Бунина к случившемуся? Понятно, что арест ошеломил, ведь у него этот арест отнимал любимого брата, с которым столько связано, который стал его учителем и воспитателем.

Но что он тогда понимал, в свои четырнадцать лет? Послушаем, что говорит нам автор в романе устами своего героя:

«В чём заключалась “деятельность” брата и как именно проводил он свои университетские годы, я точно не знаю. Знаю только то, что деятельность эта началась ещё в гимназии под руководством какой-то “замечательной личности”, какого-то семинариста Доброхотова. Но что общего было у брата с Доброхотовым? Брат, рассказывая мне о нём впоследствии, всё ещё восхищался им, говорил о его “ригоризме”, о его железной воле, о “беспощадной ненависти к самодержавию и беззаветной любви к народу”; но была ли хоть одна из этих черт у брата, почему он восхищался?»

И далее приведено истинное отношение героя, а следовательно автора, к этой деятельности:

«Очевидно, только в силу той вечной легкомысленности, восторженности, что так присуща была дворянскому племени и не покидала Радищевых, Чацких, Рудиных, Огарёвых, Герценов даже и до седых волос; потому, что черты Доброхотова считались высокими, героическими; и наконец по той простой причине, что, вспоминая Доброхотова, он вспоминал весь тот счастливый праздник, в котором протекала его юность, – праздник ощущения этой юности, праздник “преступной”, а потому сладостно-жуткой причастности ко всяким тайным кружкам, праздник сборищ, песен, “зажигательных” речей, опасных планов и предприятий... Ах, эта вечная русская потребность праздника! Как чувственны мы, как жаждем упоения жизнью, – не просто наслаждения, а именно упоения, – как тянет нас к непрестанному хмелю, к запою, как скучны нам будни и планомерный труд! Россия в мои годы жила жизнью необыкновенно широкой и деятельной, число людей работающих, здоровых, крепких в ней всё возрастало. Однако разве не исконная мечта о молочных реках, о воле без удержу, о празднике была одной из главнейших причин русской революционности?»

И как предельно точно сказано далее о всех этих бунтовщиках, социалистах, желавших сокрушить Русское Самодержавие и не всегда понимавших, что тем самым они сокрушат Россию! Обращает на себя внимание и перечисление имён революционного племени бунтовщиков. Реальные исторические личности названы вперемешку с литературными. Бунин не приветствовал восхваление в литературе таковых героев. Он рассуждал:

«...Что такое вообще русский протестант, бунтовщик, революционер, всегда до нелепости отрешённый от действительности и её презирающий, ни в малейшей мере не желающий подчиниться рассудку, расчёту, деятельности невидной, неспешной, серой? Как! Служить в канцелярии губернатора, вносить в общественное дело какую-то жалкую лепту! Да ни за что, – “карету мне, карету!”»

Особенно обидно было то, что Юлий Алексеевич Бунин был человеком незаурядным, одарённым, что он уже защитил степень кандидата наук. Это мы находим и в романе:

«Брату и в гимназии, и в университете пророчили блестящую научную будущность. Но до науки ли было ему тогда! Он, видите ли, должен был “всецело отказаться от личной жизни, всего себя посвятить страждущему народу”. Он был добрый, благородный, живой, сердечный юноша, и все-таки тут он просто врал себе или, вернее, старался жить – да и жил – выдуманными чувствами, как жили тысячи прочих. Чем вообще созданы были “хождения в народ” дворянских детей, их восстание на самих себя, их сборища, споры, подполья, кровавые слова и действия? В сущности, дети были плоть от плоти, кость от кости своих отцов, тоже всячески прожигавших свою жизнь. Идеи идеями, но ведь сколько, повторяю, было у этих юных революционеров и просто жажды веселого безделья под видом кипучей деятельности, опьянения себя сходками, шумом, песнями, всяческими подпольными опасностями, – да еще “рука об руку” с хорошенькими Субботиными, – мечтами об обысках и тюрьмах, о громких процессах и товарищеских путешествиях в Сибирь, на каторгу, за полярный круг!»

Иван Бунин (справа) с братом Юлием

Увы, в России постепенно создавалась атмосфера почитания государственных преступников, стремящихся сокрушить империю, на радость многочисленным врагам, мечтающим завладеть богатейшими природными ресурсами Державы, а народ превратить в рабов.

Бунин начал работу над романом в конце двадцатых годов двадцатого века. Но и тогда он писал в романе о тех далёких днях, словно продолжая размышления над случившимся...

«Что побуждало брата, превосходно кончившего и гимназию, и университет только в силу своих совершенно необыкновенных способностей, весь жар своей молодости отдавать “подпольной работе”? Горькая участь Пилы и Сысойки? Несомненно, читая о ней, он не раз прослезился. Но почему же, подобно всем своим соратникам, никогда даже не замечал он ни Пилы, ни Сысойки в жизни, в Новоселках, в Батуристине? Во многом, во многом был он сын своего отца, недаром говорившего после двух-трёх рюмок водки:

– Нет, отлично! Люблю выпить! Замолаживает!

Замолаживает – это слово употреблялось когда-то на винокурнях, и человек выпивший хотел им сказать, что в него вступает нечто молодое, радостное, что в нем совершается некое сладкое брожение, некое освобождение от рассудка, от будничной связанности и упорядоченности. Мужики так и говорят про водку:

“Как можно! От ней в человеке развязка делается!” Знаменитое “Руси есть веселие пити” вовсе не так просто, как кажется. Не родственно ли с этим “веселием” и юродство, и бродяжничество, и радения, и самосжигания, и всяческие бунты – и даже та изумительная изобразительность, словесная чувственность, которой так славна русская литература?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.